

дополнялось новыми элементами заглавие книги (например, «... речей книги три, в них же разные вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и разговоры»), менялась композиция книги, ее язык и внешний вид (как правило, опускалось обращение «к читателю», сокращался анекдотический материал, исключались цитаты из сочинений древних авторов, менялся порядок афоризмов). Переводчик испытывал трудности при передаче польских реалий, которые нередко опускал (ср. упоминания о Мелецком и короле Стефане), а также при передаче смысла ряда слов: польское *gładysz* неточно передано им как «самолюб», *wykrętać* как «бегун», *blazen* как «кощун».²⁷ Вместе с тем переводчик проявил немалое умение, подобрав соответствия латинским цитатам.²⁸

Русскому переводу «Апофегмат» присущ ряд серьезных искажений и ошибок, преимущественно в тех местах, где для передачи анекдотического материала трудно было найти нужные соответствия. Наиболее грубой, но и наиболее любопытной ошибкой является приписывание Телектру, в разделе жизнеописаний известных спартанцев, слов некоей Ладены, которой не жаль убитого на войне сына, ибо, по ее словам, она и родила его затем, чтобы не боялся сложить голову за отчизну.²⁹ Следует, наконец, подчеркнуть, что все русские издания «Апофегмат» XVIII в., кроме издания 1788 г., имели на титульном листе надпись: «Перевод с польского на славянский язык». В качестве такового «Апофегматы» вошли в литературную жизнь России эпохи Просвещения.

Приведенный нами обзор и систематизация фактов, частью изученных, частью лишь учтенных в библиографических справочниках, позволяют сделать следующие выводы. В широко понимаемом литературном процессе эпохи русского просвещения, крайне неоднородном по своему характеру, с ярко выраженной европоцентристской ориентацией, нашлось место и для побочной и не слишком значительной древнепольской традиции.

Хотя это течение существовало и развивалось в стороне от главного направления литературной жизни, будучи связано лишь с отдельными писательскими и читательскими кругами, оно занимало в этом процессе свое определенное место. С одной стороны, наличие этого течения свидетельствует о новом этапе в истории русско-польских литературных связей, с другой, как показала Г. Н. Моисеева,³⁰ было связано с собственной живой древнерусской поэтической традицией. И об этом не следует забывать при анализе эпохи русского просвещения.

(Перевод Л. И. Ровняковой)

²⁷ См. издание 1716 г., с. 134, 65, 26 и 22.

²⁸ Там же, с. 56—57.

²⁹ Там же, с. 152.

³⁰ Моисеева Г. Н. 1) Ломоносов и древнерусская литература. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук. Л., 1970; 2) Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.